

Мила Дуглас

Попаданка на Самайн

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Д80

Дуглас М.

Д80 Попаданка на Самайн / Мила Дуглас. – М.: Литнет, 2026. – 140 с.

ISBN 978-5-524-00319-5

Попаданка Алиса из Санкт-Петербурга – чужая в мире древней магии, где её дар считают тёмным и опасным. С фамильяром-проказником Шепотком ей предстоит стать преподавателем в Магической Академии, бросить вызов системе и её строгому хранителю – ректору Аластеру Кроу.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00319-5

© Литнет, 2026
© Дуглас М., 2026

Глава 1

Золотой октябрьский день в Таврическом саду был настолько идеален, что вызывал недоумение. Слишком уж картинно блестела позолота на крыше дворца, слишком слащаво алели последние астры, от их вида во рту появился привкус засахаренного меда. Алиса, чья жизнь в последние годы состояла из слепящих софитов в фотостудии и пыльной затхлости архивов в родном университете, скептически щурилась на это бутафорское великолепие. Настоящее, как она знала, пахло не глинтвейном с гвоздикой, а нервным потом перед камерой и пылью архивов, где она искала не знания, а убежище от мыслей о том, что она – «девочка с печальным будущим». Алиса почти бежала по аллее, сжимая в кармане ключи от квартиры, которые кинул в нее Дмитрий после очередной ссоры. Металл больно впивался в ладонь. В ушах стоял сиплый от злости голос Димы: «Сегодня кому глазки строила? Оператору? Это что, новая диссертация по кокетству? Вилить хвостом перед каждым мужиком с камерой?»

«Идиот, – мысленно шипела она, смахивая с ресниц предательскую влагу.

– Неотесанное, ревнивое бревно. Я люблю питерскую осень с ее дождем больше, чем ты меня!». В своих мечтах Алиса давно уже представляла, как они с Дмитрием будут жить вместе, несмотря на то, что все ее друзья отговаривали. «Сирота, девочка с печальным будущим, Дима, выбирай с умом». Кажется, так же его и родители отговаривали от поспешных действий в ее сторону. А она, между прочим, уже поступила в аспирантуру. Скоро будет учителем истории, а не украшением чьей-то гостиной, как ему, похоже, хотелось. Алиса представляла свой будущий класс – шумный, светлый, пахнущий мелом и детской энергией, где она будет рассказывать о пирамидах, а не замирать в неестественной позе в фотостудии для

рекламных фото в очередной маркетплейс, чтобы заработать и соответствовать этому индюку Диме. А он... он видел только обложку. То самое красивое смазливое личико, которое сейчас, размазанное слезами, вызывало у прохожих лишь любопытство.

Отчаяние подкатило к горлу горьким комом. Всё было не так: не та жизнь, не тот мужчина, не та она. Сплошная бутафория, и даже Таврический такой же сегодня – нелепо чужой. И ей до смерти захотелось хоть что-то – что угодно! – сделать настоящим. Разбить эту идеальную, неправдивую картинку. Свернув на узкую тропинку, Алиса наткнулась на палатку на ярмарке осени и урожая. Не кричаще-яркую, как другие, а темную, из плотной, почти черной ткани, затерянную в тени двух старых кленов. От нее не пахло пряниками и петушками на палочках. Пахло временем. Сладковатым запахом увядших роз, гвоздикой, горьковатой полынью и чем-то еще – неуловимым, холодным, как старинное серебро. За прилавком стояла женщина. Не девушка-куколка с ярмарки, а женщина, чья красота была не приглашением, а предупреждением. Брюнетка смотрела на Алису с безмятежным спокойствием, от которого становилось не по себе.

– Не стоит расточать себя на гнев, дитя, – голос ее был бархатыным и глубоким, словно звук виолончели в пустой зале. – Мужская глупость – явление сезонное, как листопад. Вечны лишь знания. И сладость спелого яблока.

Она протянула Алисе яблоко. Небольшое, румяное, идеальное, как с гравюры.

Алиса истерически хохотнула. – Что это? Сказка про Белоснежку? Угоститься яблочком от злой королевы?

Женщина улыбнулась, и в темных глазах на миг появилась искра, которую Алиса не заметила. – О, нет, дитя мое. Я не злая королева. Но... вышло похоже, не правда ли? Получилось вполне убедительно.

И тут в Алисе как будто что-то сорвалось с тормозов. Горе, злость, отчаяние и дикий, иррациональный вызов – всему миру, Диме, этой слишком идеальной осени и самой себе – слились в единый порыв.

Она возненавидела эту красивую, спокойную женщину и ее загадки. Алиса докажет им всем, что ничего не боится. Даже отравленного яблока. Схватила яблоко из рук. Плод был на удивление холодным, будто сделан из воска. Она надкусила его. Вкус был странным – не яблочным, а каким-то металлическим, с примесью старого чая и пыли с верхних полок, которые никогда не протирали. И мир поплыл. Сначала просто закружилась голова, как после резкого подъема. Звуки ярмарки – смех, музыка – отплыли куда-то далеко-далеко, словно кто-то вывернул настройку громкости наизнанку. Потом ее обдало волной того самого пряного аромата, что исходил от женщины, только теперь он ударил в нос с силой ударной волны, горький и пьянящий. Под ногами перестала существовать земля. Не стало опоры – лишь стремительное, тошнотворное падение вниз, в никуда. В ушах зазвенело, по коже побежали мурашки, а в глазах замелькали силуэты незнакомых башен, и послышался нарастающий шепот – будто тысячи страниц перелистываются одновременно.

«Отравление? Аллергия? Инсульт?» – пронеслось в мозгу, но мысль тут же утонула в вихре. Последнее, что Алиса услышала, прежде чем золотой октябрьский день окончательно сменился крошечной тьмой, был все тот же бархатный голос, на этот раз с легкой, почти дружеской ухмылкой:

– И, кстати... Передай привет Кроули. Скажи, что ему осталось недолго.

Затем темнота поглотила ее целиком, потянув за собой и вкус яблока, и образ прекрасной незнакомки, и всю ее прежнюю, такую сложную и невыносимо прекрасную жизнь.

Сознание вернулось к Алисе волной ледяного ужаса. Она лежала не на холодной земле Таврического сада, а в кожаном кресле, утопающем в бархатной мягкости. В горле першило, хотелось скорее

попить воды, сердце бешено билось, в носу щипало. Воздух был другим – пахло воском, старыми книгами, дубом и остывшим пеплом от камина. Камина?!

Алиса попыталась вдохнуть глубже, но что-то маленькое и теплое устроилось на ее плече, упершись цепкими лапками в ключицу.

«Не двигайся. Не подавай вида, что ты в сознании, рыжая».

Мысль прозвучала в голове так же ясно, как если бы кто-то сказал это на ухо. Но вокруг никого не было.

«Это я. Шепот. Твой фамильяр. Сейчас будет больно, но постарайся не кричать. Добью в тебя остаточные воспоминания».

Прежде чем Алиса успела что-либо осознать, в ее мозг ворвался вихрь из чужих образов, имен, заклинаний и правил. Магия. Артефакты. Академия

«Чертополох и Феникс». Леди Илверис. Преподаватель Запретных Искусств. Ректор Аластер Кроу... Враг.

Алиса еле сдержала стон, впиваясь ногтями в ручки кресла. Боль отступила, оставив после себя лишь ясное, горькое понимание. Она была в своем теле. Но не в своем мире. И ее новое имя было Илверис.

«Что... что происходит?» – мысленно спросила она, чувствуя, как сходит с ума.

«Произошел обмен, леди, – пропищал тот же голосок, и Алиса наконец разглядела на своем плече крошечную летучую мышь с умными глазами-бусинками. – Не телами! Отмечу тебе не сказано повезло. Леди Илверис отправилась куда-то в еще более лучшие миры в своем истинном облики. А ты оказалась здесь. Тебя подбросили сюда, как кость в пасть голодной собаки. А ректор Кроу – очень голодная. И, знаешь ли, злая собака».

– Кто... – начала Алиса вслух, но Шепот бесшумно взмахнул крылом, резко указав мордочкой на дверь.

«Тише! Он уж идет сюда. Чувствую его фамильяра, ворона-недотёпу Льда. Великий и ужасный Кроу сейчас...».

Дверь кабинета с глухим стуком открылась. В проеме, залитый светом, стоял мужчина. Высокий, в идеально сидящем темном мун-

дире, с красивым, но строгим лицом. На плече у него сидел большой белоснежный ворон. Его серебристо-серые глаза, холодные, как озеро в пасмурный день, без тени сомнения уставились на нее. Белоснежный ворон на его плече был не просто живым аксессуаром. В Ардафейне фамильяры были чем-то большим: внешним воплощением души, магическим другом и самым преданным орудием в руках мага. Этот, с клювом, острым как бритва, и глазами-бусинами, был идеальным отражением своего хозяина – безупречный, холодный и неумолимый инструмент контроля. Алиса почувствовала, как взгляд ворона осматривает ее не как живое существо, а как аномалию, подлежащую классификации и устранению.

– Леди Илверис, – его голос был низким и ровным, без единой эмоциональной ноты. – Рад видеть вас в сознании. Надеюсь, путешествие не слишком вас утомило?

Он сделал шаг вперед, и Алиса почувствовала, как по спине пробежали ледяные мурашки от одного его взгляда. А еще и его ворон повернул голову, пытаясь нащупать болевые точки у нее.

– Мне доложили о вашем... внезапном прибытии, – продолжал Кроу, его взгляд скользнул по ее бледному лицу, по растерянным глазам. – И о том, чьим «подарком» я обязан вашему появлению в моей Академии. Позвольте прояснить ситуацию с самого начала.

Кроу остановился прямо перед ее креслом, возвышаясь над ней.

– Я, Аластер Кроу, ректор «Чертополоха и Феникса», не желаю вас здесь видеть. Считаю ваше назначение диверсией и личным оскорблением. Каждый ваш шаг, каждое слово будет под пристальным наблюдением. Я буду искать малейший повод, чтобы избавиться от вас. И я его найду.

Он наклонился чуть ближе, и Алисе почудился запах кардамона – пряный, с легкой дымной горчинкой. Девушка успела только подумать, облизывая губы: «Алиса, очнись! Алло, о чем ты думаешь...»

– Вы для меня – яблоко раздора, леди Илверис. Отравленное. И я намерен выяснить, какой именно яд в вас таится. И с какой целью Лайнела запустила вас в мою Академию.

Ректор выпрямился. Алиса сразу вспомнила своего научрука в аспирантуре, вечно недовольного ее диссертацией, и ей стало дурно. Ладно, хоть этот хлыщ выглядел как мужчина из сказки: высокий, статный, мускулистый, с темными волосами и глазами-омутами, которые приковывали к себе и рождали лёгкий мандраж во всем ее теле.

— Послезавтра в десять утра ваш первый урок по «Истории проклятых артефактов». Я буду присутствовать лично. Удачи. Она вам понадобится.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и вышел, громко стукнув дверью. Алиса осталась сидеть в кресле, не в силах пошевелиться. На ее плече Шепот осторожно переступил с лапки на лапку.

«Ну, вот ты и дома, дорогая, — пропищал он мысленно, и в его «голосе» слышалась горькая ирония. — Добро пожаловать в яблоч-но-гвоздичный ад. С нотками кардамона. Готовься к бою!»

Глава 2

Шепот, устроившись на ее плече в качестве живого и брюзжащего аксессуара, провожал Алису до дома. Точнее, до того места, что отныне следовало величать «ее» домом. Домики для преподавателей Академии ютились по другую сторону главной аллеи, засыпанной хрустящим ковром из листьев Древа Сепии. Они напоминали пряничные домики из немецкой сказки, если бы те построил готический архитектор: остроконечные крыши, резные ставни, и стены, увитые плющом, приобретшим осенний, ядовито-багряный оттенок.

– Вон тот, с фиолетовым вереском у крыльца, – прошелестел у нее в голове Шепот. – Твои новые апартаменты. Добро пожаловать в сумасшедший дом, номер раз.

Алиса молча вошла внутрь. Интерьер был точной копией ее нового положения: снаружи – сказочный антураж, внутри – холодная реальность. Кабинет с дубовым столом, заваленным непонятными свитками, гостиная с камином, в котором неестественно весело потрескивали поленья, и спальня с кроватью под балдахином. Все пахло воском, старой бумагой и все той же проклятой гвоздикой, будто аромат впитался в стены намертво.

– Ну что, рыжая, как ощущения? – Шепот перелетел на спинку кресла и устроился вниз головой, словно черный бархатный бантик, пренебрегающий законами физики.

– Ощущения, как у бабочки, приколотой булавкой к картонке, – честно ответила Алиса, подходя к окну.

«Связь установлена, – в ее сознании прозвучал голос Шепотка, теперь четкий и ясный, без помех. – Наш удаленный канал работает. Можешь не шевелить губами, просто думай в мою сторону. Я услышу. И да, прежде чем спросишь – нет, я не читаю все твои мысли подряд. Только то, что ты мне «посылаешь». Твои глупые мечты о пышках на Большой Конюшенной меня не интересуют»

– Хитрец, все-таки услышал. Но пойми – я здесь не дома. Я хочу обратно! Я аспирант, Шепот! Я учитель истории, я детей люблю, а не запреты! Я должна рассказывать о битвах и реформах, а не о том, как какой-нибудь проклятый меч душу выпивает!

Окно выходило на соседний домик, такой же готично-пряничный, но с более строгими, почти аскетичными линиями. И на его крыльце, залитый тусклым светом осеннего дня, стоял он. Аластер Кроу. Он был без своего ректорского мундира, в простой темной рубашке с закатанными до локтей рукавами. В руках он держал точильный камень и с методичным, почти гипнотическим хладнокровием правил длинный кинжал. Мускулы на его предплечьях плавно играли под кожей с каждым плавным движением. Его фамильяр летал над ним, нарезая бесшумные круги в воздухе. Шепот озвучил то, что хотела спросить Алиса: «Он не просто летает, рыжая. Он просматривает периметр. Видишь, как лучи заката преломляются в воздухе вокруг дома Кроу? Это его барьер. Лёд – не просто страж, он активный компонент защиты. Без него Кроу пришлось бы тратить на поддержание щита втрое больше сил. Они работают в паре, как единый организм. Ворон – его глаза в слепой зоне, его уши, не знающие стен. И сейчас он доложил хозяину, что за ним наблюдают. С твоего окна».

Шепот снова прочитал ее мысли уже во второй раз.

– Не то, что твой бывший, а? – пропищал он с нескрываемым удовольствием. – Тот, я так понимаю, считал, что главное оружие – это кричать на свою даму. А этот явно предпочитает более детальные переговоры. Жаль, что делает он всё с тем же выражением лица, с каким, я подозреваю, выносит приказ об отчислении очередного болвана-студента.

Алиса невольно рассмеялась. Это был нервный, сдавленный смешок, но он принес облегчение. Смех над абсурдом. Всего несколько часов назад она ссорилась с Димой из-за его ревнивых фантазий, а теперь наблюдала за тем, как ректор магической академии точит кинжал, вероятно, мысленно расправляясь с ней.